

Всемирная история

Евгений БОГДАНОВИЧ

ДВЕ ВЕЛИКИЕ ПОБЕДЫ РУССКОГО ФЛОТА

НАВАРИН И СИНОП

Всемирная история (Вече)

Евгений Богданович

**Две великие победы русского
флота. Наварин и Синоп**

«ВЕЧЕ»

1878

Богданович Е. В.

Две великие победы русского флота. Наварин и Синоп /
Е. В. Богданович — «ВЕЧЕ», 1878 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8058-4

В книге представлены две исторические работы генерала от инфантерии, писателя Евгения Васильевича Богдановича (1829–1914). Первая работа посвящена Наваринскому морскому сражению 1827 года между соединённой эскадрой России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетским флотом – с другой. Разгром турецкого флота в этом сражении значительно ослабил морские силы Турции, что послужило важным вкладом в победу России в дальнейшей Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Второе исследование рассказывает о разгроме турецкой эскадры Черноморским флотом под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова 18 (30) ноября 1853 года в гавани города Синоп на черноморском побережье Турции. В историографии русского флота работы Е.В. Богдановича по праву считаются классическими.

ISBN 978-5-4484-8058-4

© Богданович Е. В., 1878

© ВЕЧЕ, 1878

Содержание

Предисловие	5
Наварин	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Богданович

Две великие победы русского флота. Наварин и Синоп

Предисловие

Два военно-исторических труда «Наварин» и «Синоп», представленные в данной книге, написаны выдающимся российским военным, политическим и церковным деятелем Евгением Васильевичем Богдановичем.

Е.В. Богданович родился в Николаеве в семье полковника, участника Отечественной войны 1812 года. По отцу он принадлежал к старинному дворянскому роду Херсонской губернии, по матери (урожденной Альбрант) – к сподвижникам основателя Одессы герцога Ришелье. Два брата Е.В. Богдановича – Орест и Виктор – участвовали в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. и погибли, еще один – Лев, за храбрость прозванный абреками «чертом», героически погиб в Чечне.

Е.В. Богданович свою службу начал в 1843 году гардемаринном на Черноморском флоте. В 1846 году сдал экзамен и получил чин мичмана.

Дальнейшая морская карьера была прервана морской болезнью. Богдановича укачивало даже на небольшой волне. Поэтому в 1851 году он был вынужден оставить службу на флоте, был переаттестован в чин прапорщика и назначен адъютантом при новороссийском генерал-губернаторе. Однако военно-морская служба наложила отпечаток на всю дальнейшую жизнь Е.В. Богдановича. Будучи в преклонных годах, он любил рассказывать о своем знакомстве с адмиралом П.С. Нахимовым. В изложении публициста Л.А. Тихомирова это выглядело так: «Молодой гардемарин Богданович ухаживал за какой-то барышней и однажды провожал ее куда-то. Было жарко, и он взял на руки ее накидку (не знаю, какие тогда носили). Так он шел со своей дамой, чувствуя себя на седьмом небе... Вдруг на повороте угла на них наталкивается адмирал Нахимов... Богданович растерялся и неловко стал во фронт с руками, окутанными накидкой. Адмирал грозно взглянул на него: «Гардемарин! Дрянь-с...» «Дрянь» – это было его излюбленное ругательное слово. Тогда к отданию чести относились очень строго, и Нахимов, не ограничиваясь «дрянью», отправил его под арест».

Е.В. Богданович оказался прекрасным администратором и организатором. Поэтому его карьера в Министерстве внутренних дел была на редкость успешной.

Е.В. Богданович внес значительный вклад в организацию пожарных команд по всей России, «взаимного от огня страхования», водопроводов и т. д. Начиная с 1861 года, по предложению министра внутренних дел П.А. Валуева, он исследовал положение пожарной и страховой части в пятнадцати губерниях. Организовал общественные пожарные команды. Первым провел в России принцип взаимного страхования от огня, успешно занимался устройством водопроводов на частные средства, основал школу брандмейстеров, всероссийское общество взаимопомощи пожарных «Голубой Крест», которое работало с императорским Российским пожарным обществом. Будучи уже в преклонном возрасте, Е.В. Богданович стал почетным членом общества «Голубого Креста», председателем Всероссийского общества взаимопомощи пожарным деятелям, дававшего страховые премии при несчастных случаях.

Е.В. Богдановичу принадлежала идея строительства целого ряда железных дорог. Так, при его содействии была сооружена казенная Екатерининская железная дорога, соединившая Криворожское месторождение железных руд с Донецком. При этом Е.В. Богданович организовал строительство моста через Днепр в Екатеринославе. В 1866 году он выступил с инициати-

вой постройки железной дороги от Перми до Тюмени, «могущей впоследствии быть проложеною до китайской границы и получить важное стратегическое и международное коммерческое значение». Фактически Е.В. Богданович явился зачинателем создания будущего Транссиба. Любопытная деталь – жители городов, через которые прошла железная дорога, непременно избирали Е.В. Богдановича своим почетным гражданином. Кроме этого, его имя было увековечено в названии одной из узловых станций под Екатеринбургом – «Богданович».

Являясь чиновником Министерства внутренних дел, Е.В. Богданович на протяжении ряда лет занимался изучением революционных организаций в России. При этом зачастую он действовал по собственной инициативе. Так, бывая по поручениям в командировках, Е.В. Богданович, по его словам, смог изучить «многое в общественной и частной жизни населения». Когда в 1874 году он объехал ряд губерний по вопросу об устройстве речной полиции, то по возвращении представил министру внутренних дел генерал-адъютанту А.Е. Тимашеву особую записку о признаках политического брожения. Обстоятельнейший доклад «О настроении умов в некоторых слоях населения» он представил в 1880 году в Верховную распорядительную комиссию. Записка аналогичного содержания «О положении рабочих и других слоев населения, об их политическом настроении и о мерах борьбы с этим» была составлена Е.В. Богдановичем для обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Среди конкретных мер, которые предлагал Богданович для профилактики увлечения рабочих и крестьян революционными учениями, значилось выделение средств для развития в деревне кустарных промыслов, расширения «полезных отраслей промышленности» и открытия общественных работ.

Однако в своей деятельности Е.В. Богданович не всегда был успешен. Так, в 1887 году он впал в немилость императора Александра III и был уволен со службы. Сам Е.В. Богданович объяснял свою отставку «интригами из Берлина» и неприятием его деятельности среди ряда чиновников Министерства иностранных дел. Возможно, на его отставке сказался тот факт, что Е.В. Богданович по своим политическим предпочтениям был ярко выраженным франкофилом и германофобом. Недругов у Е.В. Богдановича всегда хватало.

Однако отставка длилась недолго, и уже в 1888 году Е.В. Богданович был возвращен на службу, произведен в тайные советники и назначен членом совета министра внутренних дел. В последние шесть лет правления он пребывал в несомненном фаворе у Александра III, который регулярно награждал его орденами и ежегодно отмечал высочайшей благодарностью публицистическую деятельность Е.В. Богдановича.

Свою государственную службу Е.В. Богданович закончил в чине генерала от инфантерии, кавалером орденов Святой Анны 2-й степени, Святого Александра Невского, Белого орла и многих других, почетным гражданином многих губернских городов, являлся почетным членом лейб-гвардии стрелкового Императорской Фамилии полка.

Однако наиболее широкую известность Е.В. Богданович получил не за свои служебные успехи, а за свою общественную и журналистскую деятельность. Перу Е.В. Богдановича принадлежат книги: «Наварин». «Синоп», «Гвардия Русского Царя на Софийской дороге», «Стрелки Императорской Фамилии», «Россия на Дальнем Востоке», сборник проповедей «Кафедра Исаакиевского собора» и т. д. Бесплатные брошюры Е.В. Богдановича «для войск и народа» и статьи, посвященные различным памятным датам, историческим событиям, расходились по всей стране. Особые экземпляры выделялись для императора, министров, других высокопоставленных деятелей. Кроме того, он наладил издание художественных буклетов на религиозные и исторические сюжеты для распространения в простом народе. Брошюры Е.В. Богдановича выступали в качестве противовеса революционной пропаганде. За несколько лет вышли «десятки миллионов книжек, картин и листов для бесплатной раздачи по поводу важнейших событий». Так, в сентябре 1902 года, в ответ на распространение прокламаций на Николаевской железной дороге, 15 000 экземпляров брошюр генерала были розданы железнодорожникам. Энтузиазм генерала в деле налаживания издания брошюр и картин поражает

и сегодня. К примеру, летом 1911 года, будучи практически слепым, Е.В. Богданович совершил поездку в Киев, где организовал заготовку огромного количества литературы для раздачи народу во время пребывания императора на торжествах в Киеве.

Патриотическая подвижническая деятельность Е.В. Богдановича подвергалась ожесточенной критике со стороны либеральной интеллигенции. К примеру, известный юрист-либерал А.Ф. Кони писал о Богдановиче так: «Это был знаменитый полковник Богданович... издатель елейно-холопских брошюр, которыми впоследствии, вымогая себе субсидии от правительства, он усердно и широко отравлял самосознание русского народа».

Е.В. Богданович был глубоко верующим человеком. Именно поэтому в 1878 году его избрали старостой Исаакиевского собора. 4 июня 1880 года, в день открытия памятника А.С. Пушкину в Москве, Е.В. Богданович организовал в Исаакиевском соборе панихиду по поэту, которая имела большой общественный резонанс. Тогда же Е.В. Богданович, под эгидой «Кафедры Исаакиевского собора», совместно с отцом Иоанном Кронштадтским, организовал издание патриотических и монархических брошюр для пропаганды монархических идей в армии, на флоте и в системе образования. Верным другом и помощником мужу была и супруга Александра Викторовна (в девичестве Бутковская), организовавшая у себя дома весьма влиятельный светский салон, где собирались политические и военные деятели с правыми монархическими взглядами. Этот салон просуществовал тридцать лет.

Вот описание «завтраков» у Богдановичей, изложенное Л.А. Тихомировым в его позднейших воспоминаниях: «Желающие посетить генерала должны были являться к завтраку. Иногда приглашали на обед. <...> Но все, признанные в качестве «знакомых», могли без всяких церемоний являться к завтраку. К этому времени Евгений Васильевич уже обязан был являться в роли радушного хозяина, точно так же, как и Александра Викторовна, встречать гостей. Гости обычно сходились в гостиную, где в кресле восседал Богданович». По словам публициста Л.А. Тихомирова, в салоне было принято представлять гостей друг другу, чтобы кто-нибудь из присутствующих не мог сказать нелицеприятные слова в адрес незнакомых ему посетителей. Не допускалось также критиковать деятельность начальника Е.В. Богдановича, бывшего министром внутренних дел. Генерал В.Ф. Джунковский вспоминал: «У него (Е.В. Богдановича. – *В.Ш.*) всегда за столом были накрыты четыре-пять приборов для гостей. Это все знали. Завтрак бывал всегда очень скромный, бутылки белого и красного вина стояли на столе. За столом, несмотря на свою слепоту, он удивительно хорошо ориентировался, указывал всем места, поддерживал общий разговор, беспокоился, достаточно ли все едят, был на редкость радушный хозяин».

Е.В. Богдановичу пришлось пережить и трагическую смерть сына. В 1905 году его сын, тамбовский вице-губернатор Николай Евгеньевич Богданович, был убит террористом-революционером. От перенесенного горя Е.В. Богданович ослеп, но своей активной подвижнической деятельности не прекратил.

По своим политическим убеждениям Е.В. Богданович был православно-монархическим консерватором. По словам Л.А. Тихомирова, «вообще в политике он (Е.В. Богданович. – *В.Ш.*) был очень прост: нужен Царь, заботящийся о народе; народ честный, трудолюбивый, религиозный, любящий Царя; нужен порядок, нужно уважать власть; но нужно также заботиться о благе народа... Богданович любил царей той преданной, безграничной любовью, какую уже перестали понимать новые поколения моего времени. Но это не было холопство. В царе он любил свой идеал, и когда носитель идеала начинал его позорить, это причиняло жестокие муки старому генералу, он с этим не мирился и шел на протест и борьбу».

В 1913 году, по случаю празднования 300-летия Дома Романовых, Е.В. Богданович написал проект манифеста, краткое содержание которого он изложил в письме к императору Николаю II следующими словами: «Зачем тут дума, амнистия, патриаршество, конституция? Царь

призывает на свой народ Божие благословение, и в дом каждого верноподданного – радость и веселие: и довольно, – и подпись, – и ура, всенародное ура за нашего Государя».

14 января 1909 года Е.В. Богдановичу, за его многолетнюю плодотворную деятельность на благо России, было назначено «тайное пособие». Председатель Совета министров России П.А. Столыпин писал Е.В. Богдановичу в письме 15.01.1909 г. по этому поводу: «...Во внимание к долголетней отлично-усердной службе, взамен аренды, пожизненное негласное пособие по 2000 рублей в год».

Евгений Васильевич Богданович умер в Ялте в 1914 году и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Могила его, к сожалению, до настоящего времени не сохранилась. Святой праведный Иоанн Кронштадтский назвал Е.В. Богдановича «сеятелем доброго слова».

* * *

Одной из основных книг, написанных Е.В. Богдановичем, является фундаментальное историческое исследование «Наварин». Этот труд давно стал классическим, и без ссылок на него не обходится ни одна историческая публикация о подвигах русских моряков 1827 года на Средиземном море. Безусловно, что написание Е.В. Богдановичем «Наварина», и другой его книги – «Синоп» – было вызвано ностальгией автора по службе на Черноморском флоте, по юности, проведенной на палубах парусных кораблей, памятью о героях Наварина и Синопа, которых Е.В. Богданович помнил по совместной службе.

В 1827 году между Россией, Англией и Францией была подписана Лондонская конвенция 1827 года, согласно которой Греции предоставлялась полная автономия, однако Турецкая империя отказалась признавать конвенцию. Одновременно султан послал в Грецию карательную армию и флот Ибрагим-паши, который начал истребление греков. В целях противодействия турецкому геноциду в Средиземное море была послана эскадра Балтийского флота под командованием контр-адмирала Л.П. Гейдена. Одновременно против карательных действий турок выступили Англия и Франция. Однако Константинополь продолжил уничтожение греческого населения Пелопоннеса.

В том же 1827 году соединенная международная эскадра России, Великобритании и Франции (всего 1276 орудий) под командованием старшего в чине английского вице-адмирала Эдварда Кодрингтона подошла к Наваринской бухте, где находился турецко-египетский флот Ибрагим-бея (всего до 2200 орудий). Турецкому командующему был выдвинут совместный ультиматум о прекращении зверств и уходе из Греции, на что последовал отказ. После этого вице-адмирал Э. Кондрингтон, контр-адмирал Л.П. Гейден и контр-адмирал А. де Реньи приняли решение зайти в Наваринскую бухту и добиться от турок выполнения своих требований.

Турецко-египетский флот расположился под берегом полумесяцем, что позволяло держаться под огнем всю гавань, а фланги упирались в береговые батареи. При этом турецкие суда стояли в несколько линий. Кроме этого впереди было выставлено 6 брандеров. Союзники уступали по числу орудийных стволов, хотя превосходили турок по калибрам орудий, а также в боевой выучке личного состава.

В 13 часов 8 (20) октября 1827 года соединенная эскадра приблизилась к входу Наваринской гавани двумя колоннами. Первая колонна состояла из английских и французских кораблей, вторая – из российских. После того, как первая колонна миновала крепостные батареи и встала на якорь в бухте, российская колонна с впереди идущим флагманским кораблем Л.П. Гейдена «Азов» подошла к входу гавани. В это время Кондрингтон послал парламентаря, чтобы добиться от капитана, стоявшего вблизи турецкого брандера, отойти подальше от союзных кораблей. Однако выстрелом с брандера английский офицер был убит. Спустя некоторое время с одного из египетских корветов раздался первый выстрел в сторону французского фрегата.

Общая перестрелка началось после того, как турки убили второго парламентаря, посланного на флагманский корабль младшего турецкого флагмана Мухаррем-бея. Сложнее всего пришлось нашей эскадре, которая заходила в Наваринскую бухту и становилась на якорь согласно определенной заранее диспозиции уже непосредственно под турецкими залпами. Но, несмотря на это, маневрирование в тесной бухте и постановка на якорь с одновременным ведением огня были нашими моряками проделаны безукоризненно.

Из описания сражения историка В.Б. Броневского: «Российской эскадре предстояли еще большие трудности: ей надлежало вступить в сражение со всеми невыгодами, каких не имели ни английская, ни французская эскадры. Едва передовой наш корабль «Азов» успел миновать крепость, как началось сражение. Тесное пространство, по коему долженствовала проходить наша эскадра, обстреливалось перекрестно и по всем направлениям более, нежели 1500 орудиями; легкий ветер, дувший во все время сражения между Югом и Востоком, наносил весь дым от выстрелов сражающихся на левом фланге кораблей и с крепости прямо на ту часть залива, где русским кораблям надлежало ложиться на якорь. В непроницаемом мраке дыма, окруженный всеми ужасами граф Л.П. Гейден должен был вести эскадру свою в самую глубину гавани, так сказать, почти ощупью. Необоримое мужество русских подвергнуто тут было жестокому испытанию: но достойный их предводитель в эту решительную минуту оказал самое спасительное хладнокровие, распорядительность и храбрость... «Азов», не доходя до середины гавани, скрылся в дыму, и все окружающие его предметы оделись совершенным мраком. Российские корабли, осыпаемые ядрами и картечью, один за другим в строгом порядке и в глубоком молчании шли вперед, не отвечая неприятелю ни одним выстрелом».

Сражение быстро сделалось всеобщим и продолжалось около 4 часов, закончилось лишь с полным уничтожением турецко-египетского флота. Наиболее решительно и искусно действовала русская эскадра под командованием контр-адмирала Л.П. Гейдена. Именно она приняла на себя главный удар противника и уничтожила большую часть его судов, разгромив весь центр и правый фланг турецкого флота. Один из историков этого сражения писал о входе «Азова» в Наваринскую бухту следующим образом: «По причине ужасного дыма «Азов» прошел несколько далее за центр, отчего между ним и последним английским кораблем («Альбионом») осталось четыре фрегата и столько же корветов, никем не занятые. По сей причине «Азов» и «Альбион», более других подверженные атаке превосходящих сил, должны были претерпеть более; но искусство и опытность капитана Лазарева, управлявшего движениями «Азова» с хладнокровием и мужеством примерным, доставило нашему адмиральскому флагу еще большую славу... Подавляемый превосходством числа судов сей («Азов») как разъяренный лев, окруженный ловцами, растерзав одного врага, обращался на истребление второго...»

В разгар Наваринского сражения линейный корабль «Гангут» уничтожил атаковавший его турецкий брандер. Неожиданно на месте затонувшего судна в волнах появилась икона! Когда ее достали и рассмотрели, оказалось, что это образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, которая стала корабельной иконой «Гангута». Впоследствии икона была передана на броненосец «Гангут». В июне 1897 года броненосец наскочил на подводную скалу у Транзундского рейда. Пробоина была огромной, и спасти корабль было невозможно. В первую очередь с гибнущего броненосца свезли шлюпкой драгоценную икону. «Гангут» затонул, но при этом не погиб ни один из членов его команды. Как говорили впоследствии на Балтийском флоте, людей спасла именно икона Богородицы Одигитрии, как когда-то она спасла при Наварине от пылающего брандера и команду первого «Гангута».

Есть сведения, что в 1915 году икона была вручена экипажу новейшего линкора-дредноута «Гангут». После 1917 года следы ее теряются. Однако давно известно, что просиявшие иконы никогда не пропадают, а в определенное свыше время они вновь предстают пред людьми, чтобы спасти, утешать и вдохновлять. И как знать, быть может, пройдет совсем немного вре-

мени, и наваринская святыня вновь обретет свое заслуженное место на одном из российских кораблей!

Из хроники сражения: «В жару битвы палубы наших кораблей представляли зрелище одинаково ужасное: без мундиров, с завязанными или заткнутыми ушами, дабы совсем не оглохнуть, те люди, которые за несколько часов (до боя) казались кроткими и добрыми, теперь казались бешеными. С диким взором, с растворенными устами, не замечая никакой опасности, они бросались и опрометью бежали туда, куда приказывали. Храбрейшие возвышали голос; им охотно и стремительно повиновались, и никто не узнал бы робкого. Тяжелораненые и умирающие, одни лежали смиренно, другие ползли на перевязку, не произнося ни одного жалобного стога. Вскоре крикливое «ура!» подменилось отчаянным молчанием, и тут-то каждый, можно сказать, работал за четверых, и силы по мере утомления... Томимые жаром, жаждой и усталостью матросы окачивались морской водою (коею в осторожность от пожара палубы наливаются), прикладывались к ядрам или держали свинцовые пули во рту, и тем освежали горящие губы и запекшийся язык. В таком положении ничто не устрашало их; большой ужас возбуждал большую храбрость: каждый взрыв сопровождался радостным «ура», даже раненые на кубрике провозглашали сей символ славянской храбрости...»

Потери турецко-египетского флота составили более 60 судов, несколько тысяч человек убитыми и ранеными. Союзники не потеряли ни одного корабля. Потери убитыми и ранеными составили около 600 человек. После сражения союзнический флот оставался в Наваринской бухте до 26 октября, устрняя повреждения и погребая погибших.

В сражении особенно отличился флагманский корабль русской эскадры «Азов» под командованием капитана 1-го ранга М.П. Лазарева, уничтоживший 5 турецких судов, в том числе и флагманский фрегат, а кроме этого, выручивший из тяжелой ситуации английский флагманский линейный корабль «Азия».

При этом «Азов» получил 153 попадания, из них 7 ниже ватерлинии. За небывалое мужество в сражении по указу императора Николая I «Азов» впервые в истории русского флота был награжден особым Георгиевским Андреевским флагом. Любопытно, что на «Азове» во время сражения находились сразу три будущих выдающихся российских флотоводца, герои Синопа и Севастопольской обороны 1854–1855 годов: лейтенант П.С. Нахимов, мичман В.А. Корнилов, гардемарин В.И. Истомина. При этом за храбрость, проявленную во время Наваринского сражения, П.С. Нахимов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Кроме этого, он получил французский орден Почетного легиона, английский орден Бани и греческий орден Спасителя.

Наваринская победа стала началом фактического освобождения Греции от многовекового турецкого ига и первым реальным шагом к обретению государственной независимости. При этом Наваринское сражение и уничтожение турецкого флота дали существенное преимущество России не только перед Турцией, так как оно значительно ослабило морские силы Турции в преддверие Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, но дало и серьезные политические преимущества перед Англией. «Я посылаю Кондрингтону орденскую ленту, хотя он достоин веревки!» – сказал английский король Георг IV, получив известие о Наварине. Эта фраза лучше всего характеризует итоги Наваринского сражения с точки зрения британской политики.

Память о Наваринском сражении, обеспечившем обретение Грецией независимости от Турции, сохраняется как в Греции, так и в России. Наверное, самым известным памятником Наваринскому сражению является памятник трем адмиралам (трем навархам), установленный на центральной площади греческого города Пилос (Наварин) греками в память о героях Наваринского сражения. На памятнике изображены барельефы трех командующих союзной эскадрой – Кондрингтона, Гейдена и де Реньи, а также надпись: «Благодарная Греция. 1827–1927».

На прикрывающем вход в Наваринскую бухту острове Сфактерия установлено сразу несколько памятников героям Наваринского сражения. Это, прежде всего, мраморная плита с надписью: «Памяти павших в Наваринском сражении 8/20 октября 1827 и погребенных поблизости. Поставлен в 1872 г. Начальником отряда СЕВ (свиты его величества) контр-адмиралом И.И. Бутаковым, командиром, офицерами и командой клипера «Жемчуг». Плита была установлена на средства королевы Греции (великой княжны) Ольги Константиновны.

В советские времена рядом с плитой появилась стела, завершающаяся символическим светильником, с гербом СССР и якорем: «Русским героям, погибшим в Наваринской битве, от Советского посольства. 20 октября 1960 г.».

В 1992 году на средства морского историко-культурного общества «Петрофлот» была изготовлена памятная доска. На ней выгравированы имена погибших русских моряков, найденные в Центральном государственном архиве ВМФ. 24 октября 1992 года памятная доска была освящена в церкви Казанской Божьей Матери в Коломенском и передана посольству Греции для установки в Пилосе.

В 1995 году на острове Сфактерия появилась еще одна памятная плита с надписью: «Вечная память русским морякам, павшим в Наваринском сражении 8/20 октября 1827 г. ...» А в 1997 году российское посольство установило на острове Сфактерия небольшую деревянную часовню.

Ежегодно 20 октября в Пилосе проходят торжества в честь Наваринского сражения, в которых традиционно принимает участие корабль Черноморского флота РФ. Российские моряки участвуют в традиционном параде в честь героев Наварина, возлагают цветы к их памятникам.

Именем командующего российской эскадрой в Наваринском сражении контр-адмирала Л.П. Гейдена назван атолл в архипелаге Маршалловых островов, отмель в Бристольском заливе Берингова моря и гора на Камчатке. В Севастополе и Николаеве есть Наваринские улицы. А в Агаповском районе Челябинской области имя Наварина носит сельский поселок, бывший некогда казачьим редутом.

В 1848 году И.К. Айвазовский пишет картину «Наваринский бой». В центре полотна художник запечатлел эпизод, когда изрядно поврежденный российский флагман «Азов» берет на бордаж турецкое судно. Наступательный порыв «Азова» и обреченность турецкого судна не оставляет у зрителя никаких сомнений в исходе боя.

В честь победы русского оружия был вскоре после сражения был назван захваченный в плен 20-пушечный турецкий фрегат «Нессабиз Сабах» («Восточная звезда»). Первым командиром был назначен отличившийся в Наваринском сражении лейтенант П.С. Нахимов. Впоследствии корвет участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов.

После окончания войны корвет ушел на Балтику. Ежегодно находился в плаваниях. В 1853 году корвет «Наварин» был направлен на Дальний Восток для крейсерования в Охотском море. Однако был сильно поврежден во время штормов в Северном море и Атлантике. Ремонт старого судна был признан нецелесообразным, и «Наварин» был списан из состава флота.

В 1896 году в состав Балтийского флота вступил эскадренный броненосец «Наварин». В 1896–1896 годах корабль совершил плавание в Средиземное море, где принял участие в составе международной эскадры в блокаде острова Крит для предотвращения угрозы греко-турецкой войны.

В 1998 году «Наварин» совершает переход на Дальний Восток, где усилил нашу Тихоокеанскую эскадру. В 1900 году броненосец принял участие в подавлении боксерского восстания в Китае, участвовал в перевозке в крепость Таку десантных отрядов. В сентябре броненосец в составе международной эскадры штурмовал Шанхай-Гуань, где высадил десант.

В 1901 году «Наварин» отправился на ремонт на Балтику. С началом в 1905 году Русско-японской войны броненосец начал подготовку к походу на Дальний Восток. «Наварин» был

включен во 2-й броненосный отряд 2-й Тихоокеанской эскадры, контр-адмирала Д.Г. Фелькерзама, который поднял на броненосце свой флаг. Командовал броненосцем в это время капитан 1-го ранга Б.А. Фитингоф. Вместе со 2-й Тихоокеанской эскадрой «Наварин» проделал весь долгий и трудный путь до Цусимы. В первый день Цусимского сражения броненосец серьезных повреждений не получил. С наступлением темноты начались атаки японских миноносцев. Вскоре на броненосце лопнула паровая магистраль, и сразу три котла вышли из строя. Корабль отстал, продолжая в одиночку яростно отбиваться из всех орудий. Первая из японских торпед попала в район кормы, и корабль, застопорив машины, сильно осел, так что вода доходила до кормовой башни. Позже в среднюю часть правого борта попала еще одна торпеда, и «Наварин» начал медленно валиться на правый борт. Через несколько минут, когда из-за крена стрельба стала невозможной, с левого борта подошел миноносец и выпустил еще одну торпеду. Через минуту после третьего взрыва броненосец затонул. Из 681 члена экипажа спастись удалось только трем матросам...

В 1912 году на Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурга был заложен мощнейший линейный крейсер «Наварин», водоизмещением в 32 тысячи тонн и вооруженный 12 × 356-мм орудиями.

В ноябре 1916 года линейный крейсер был спущен на воду. Однако из-за начавшейся в России революции, а потом и Гражданской войны государству стало уже не до достройки «Наварина», и она была прекращена. В 1923 году недостроенный «Наварин» был продан немецкой судоразделочной фирме. Впрочем, думается, что история с кораблями, носящими имя одной из знаменитых морских побед России, еще не окончена, порукой тому сегодняшнее возрождение отечественного флота.

В составе Балтийского флота в свое время находился и крейсер «Память Азова», названный в честь отличившегося в Наваринском сражении линейного корабля «Азов». Эта традиция сохранилась, и сегодня в составе Черноморского флота Российской Федерации находится большой десантный корабль «Азов».

Что касается литературы о Наварине, то, безусловно, классической публицистической работой, посвященной этой победе русского оружия, является фундаментальный труд Е.В. Богдановича, с которым вы сможете познакомиться в данной книге.

* * *

События, описанные в труде Е.В. Богдановича, развивались следующим образом. 4 октября (22 сентября по старому стилю) Турция, подстрекаемая Англией и Францией, объявила войну России. 11 октября (29 сентября) эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова в составе 4 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 брига отправилась из Севастополя, чтобы крейсировать у турецких берегов и мешать доставке турками оружия и боеприпасов горцам Северного Кавказа, чья партизанская война сковывала самые боеспособные части русской армии. Нахимову разрешалось только наблюдать за действиями турок.

26 октября (14 октября) через Босфор в Черное море прошла турецкая эскадра (5 фрегатов, корвет и пароход) и взяла курс на Синоп. По замыслу турецкого командования, Осман-паша должен был принять в Синопе десант и высадить его на русском побережье Кавказа.

1 ноября (20 октября) пароход «Бессарабия» доставил Нахимову сообщение о начале войны и предписание не пропускать турецкие суда с военными грузами и захватывать их. Замысел командования Черноморского флота состоял в том, чтобы встретить турецкую эскадру в море и зажать ее между двумя русскими эскадрами. 4 ноября (23 октября) «Бессарабия» захватила турецкий грузовой пароход «Меджари-Теджарет», от команды которого русские моряки узнали, что в Синопе стоят 3 фрегата, 2 корвета и 1 транспорт.

5 ноября (24 октября) произошла встреча в море эскадр вице-адмирала П.С. Нахимова и контр-адмирала Ф.М. Новосильского. Отослав контр-адмирала Ф.М. Новосильского в Севастополь с поврежденными бурей судами – линкором и бригом, вице-адмирал П.С. Нахимов пошел к Синопу с объединенными силами – 5 линейными кораблями, 1 фрегатом и 1 пароходом. При этом эскадре П.С. Нахимова приходилось крейсировать по осеннему Черному морю, где в это время каждый третий день был штормовым.

7 ноября (26 октября) направлявшийся в Синоп отряд вице-адмирала Осман-паши у мыса Керемпе встретил оставленный там для крейсирования русский фрегат «Кагул». 4 турецких фрегата погнались за «Кагулом». Командир этого фрегата капитан-лейтенант А.П. Спицын рискнул, несмотря на сильный ветер, поставить все паруса и оторваться от турок, которые преследовали его почти двое суток.

20 (8) ноября русская эскадра подошла к Синопу, через перешеек были замечены мачты четырех больших судна, стоящие на рейде. Налетевший шторм отогнал русские корабли в море, и некоторые из них сильно повредил. В это время эскадра Осман-паши разминулась с Нахимовым и прошла в Синоп. Команды турецких кораблей были так изнурены штормом, что несколько часов не могли убрать паруса.

22 (10) ноября П.С. Нахимов отправил на ремонт в Севастополь корабли «Храбрый» и «Святослав», и фрегат «Кулевчи». С ними ушел пароход «Бессарабия» с донесениями. С оставшимися 3 кораблями («Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав») и бригом вице-адмирал двинулся к Синопу, чтобы уничтожить стоящий там отряд. В этот же день фрегат «Кагул» доставил сведения о турецкой эскадре Ф.М. Новосильскому, который крейсировал у Севастополя.

23 (11) ноября, приблизившись к Синопу на 2 мили, вице-адмирал обнаружил там значительно большие силы, чем ожидал – 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп 9 и 2 больших парохода, все под прикрытием береговых батарей. Из 6 существовавших в Синопе батарей было обнаружено только 5. Нахимов принял решение блокировать порт до прибытия подкреплений, так как даже 5 батарей по интенсивности огня стоили целого линейного корабля и создавали перевес сил в пользу турок.

24 (12) ноября из Севастополя на помощь Нахимову с 3 кораблями («Париж», «Три Святителя» и «Великий Князь Константин») вышел контр-адмирал Ф.М. Новосильский и 28 (16) ноября присоединился к эскадре Нахимова, усилив ее вдвое.

29 (17) ноября пришел фрегат «Кулевчи» и доставил П.С. Нахимову предписание князя А.С. Меншикова, по возможности, щадить город Синоп, чтобы не дать европейским странам повода к войне. Нахимов, опасаясь подхода к противнику подкреплений, решил на следующий день дать бой. В 10 часов утра на флагманском корабле «Императрица Мария» собрались командиры кораблей, которым вручили диспозицию и приказ на сражение. В этот же день из Севастополя отправился к Синопу Корнилов на пароходах: «Одесса», «Крым» и «Херсонес». Но они дошли до Синопа только в конце сражения.

С моря Синоп защищали 6 артиллерийских береговых батарей. Часть этих пушек устарела, но они могли стрелять калеными ядрами, вызывающими пожары и взрывы на деревянных кораблях. Положившись на них, турецкий адмирал Осман-паша не усиливал батарей орудиями с кораблей. Готовые к бою турецкие корабли стояли на 10-метровой отметке глубины полумесяцем, обеспечивающим перекрестный обстрел любой эскадры, входящей на рейд. Пароходы и транспорты стояли во второй линии.

Русская эскадра имела некоторое количественное превосходство в артиллерии, особенно в бомбических пушках, которых у противника не было. Однако турки располагали береговыми батареями, установленными на возвышенных берегах, державшими под обстрелом подходы к Синопской бухте. Это значительно усиливало их позицию.

Правильно оценив обстановку, вице-адмирал П.С. Нахимов решил атаковать и уничтожить эскадру Осман-паши в бухте. Тактический замысел его сводился к тому, чтобы как можно быстрее ввести свои корабли на Синопский рейд и с короткой дистанции атаковать противника одновременно всеми линейными кораблями. Исходя из этого замысла, Нахимов принял решение произвести сближение с противником двумя колоннами по три линейных корабля в каждой. Построение кораблей в две колонны и быстрое развертывание сил сокращали время пребывания кораблей под огнем противника в момент сближения и позволяли в кратчайший срок ввести в бой все линейные корабли. Стремясь к быстрому и решительному разгрому турецкой эскадры, адмирал Нахимов установил минимальную дистанцию боя, причем для всех кораблей заранее были назначены огневые позиции, обеспечивающие эффективное использование артиллерии всех калибров и ведение огня несколькими кораблями по одной цели. Придавая большое значение разумной инициативе командиров кораблей, Нахимов отказался от детализации плана атаки. Он верил, что хорошо подготовленные командиры, уяснив его тактический замысел, сами смогут принимать решения, исходя из конкретной обстановки. Разработав план сражения, вице-адмирал П.С. Нахимов ознакомил с ним своего младшего флагмана контр-адмирала Ф.М. Новосильского и командиров кораблей.

Переждав ночь в 10,5 милях к северо-востоку от Синопского перешейка, русская эскадра в 7 часов 15 минут утра построилась в две колонны: правую повел Нахимов на флагмане «Императрица Мария», за которым следовали «Великий Князь Константин», «Чесма» и фрегат «Кагул». Левую колонну («Париж», «Три Святителя», «Ростислав» и фрегат «Кулевчи») вел Новосильский. Был туман, моросил дождь, который в 16 часов перешел в сильный ливень.

В 9 часов 45 минут после сигнала «Приготовиться к бою» команды пообедали. В 10 часов 30 минут пробили тревогу, каждое орудие зарядили 3 ядрами. На рейд вступили около 12 часов. Первый выстрел дал турецкий флагман «Ауни-Аллах» в 12 часов 28 минут. Турецкие батареи № 1 и № 2 оказались слишком далеко от русских кораблей, а батареи № 3 и № 4 запоздали, поэтому русским кораблям мешали становиться на шпринг¹ только батареи № 5 и № 6.

Корабли П.С. Нахимова несли ущерб от обстрела со стороны фрегатов и батарей, но открыли огонь только после того, как передовые – «Императрица Мария» и «Париж» – стали на шпринги. Турецкие артиллеристы сначала били по такелажу и снастям, русские – сразу по корпусам кораблей.

Флагман вице-адмирала П.С. Нахимова, 84-пушечный корабль «Императрица Мария», под командованием капитана 2-го ранга П.И. Барановского, в первые же минуты сражения подвергся обстрелу турецкого флагмана, 44-пушечного фрегата «Ауни-Аллах», потеряв большую часть рангоута и стоячего такелажа. «Императрица Мария» двигалась вперед по инерции, имея ветер в корму и ведя батальный огонь по судам, которые проходила. Встав на шпринг напротив «Ауни-Аллаха», сосредоточила весь огонь на нем. Через полчаса «Ауни-Аллах» расклепал цепь и вышел из боя, дрейфуя к батарее № 6. При этом он попал под огонь соседнего русского корабля «Париж». Экипаж фрегата впал в панику, и корабль выбросился на берег у батареи. Затем русский флагман сосредоточил огонь на 44-пушечном фрегате «Фазли-Аллах». Тот загорелся и выбросился на берег. «Императрица Мария» потеряла в бою 16 человек убитыми и 59 ранеными. Среди них – раненный в обе ноги П.И. Барановский.

120-пушечный корабль «Великий князь Константин», под командованием капитана 1-го ранга Л.А. Ергомышева, следовал за «Императрицей Марией» и закрыл ее от огня батарей № 3 и № 4. От выпущенных «Константином» бомб загорелся и взорвался фрегат «Навек-Бахри», его пылающие обломки обрушились на батарею № 4 и на время заставили ее замолчать.

¹ Шпринг – трос, заведенный в скобу станového якоря или взятый за якорь-цепь, другим концом проведенный на корму, для удержания корабля (судна) в заданном положении. В парусном флоте заводился для наиболее эффективного использования бортовой артиллерии на якоре.

Тогда «Великий князь Константин» сосредоточил огонь на фрегате «Несими-Зефер» и корвете «Неджми-Фешан». Около 13 часов фрегат отнесло к молу у греческого предместья, а разбитый корвет оказался у батареи № 5. В 14 часов 30 минут корабль прекратил огонь. Потери: 8 убитых и 26 раненых.

84-пушечный корабль «Чесма» под командованием капитана 2-го ранга В.М. Микрюкова вел огонь по фрегату «Навек-Бахри», пока тот не взорвался, а затем подавил батареи № 3 и № 4. Получил 20 настолько серьезных пробоин, что на ремонт понадобилось полтора месяца. Потери: 4 раненых.

120-пушечный линейный корабль «Париж», под командованием капитана 1-го ранга В.И. Истомина, во главе левой колонны открыл огонь еще на ходу. Встав на шпринг всего за 4,5 минуты, «Париж» дал по батарее № 5 залп, в результате которого большая часть батареи рухнула в море. Обезвредив эту опасную батарею, «Париж» сосредоточил огонь на 22-пушечном корвете «Гюли-Сефид» и 56-пушечном фрегате «Дамиад». В 13 часов 5 минут корвет взорвался. Мимо дрейфовал «Ауни-Аллах», и «Париж» поразил его продольными выстрелами. «Дамиад» выбросился на берег. Тогда «Париж» повернулся на шпринге и обрушил огонь на 64-пушечный фрегат «Низамие». В 14 часов две его мачты были сбиты, фрегат выбросился на берег, и «Париж» занялся добиванием батареи № 5. Нахимов отметил, что «нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля». Вице-адмирал хотел изъяснить В.И. Истомина благодарностью, но сигнал было не на чем поднять: все фалы оказались перебиты. Тогда Нахимов, несмотря на обстрел, послал на шлюпке своего флаг-офицера (старшего адъютанта при штабе) Ф.Х. Острено, и тот поздравил командира «Парижа» с отличной стрельбой. «Париж» выпустил больше бомб, чем любой другой корабль – 70 из 188. Потери – 1 убитый и 18 раненых. Повреждения значительные, но корабль вернулся в Севастополь не на буксире, а под своими парусами.

На 120-пушечном корабле «Три Святителя», под командованием капитана 1-го ранга К.С. Кутрова, держал свой флаг контр-адмирал Ф.М. Новосильский. Встав на якорь в 300 м от неприятеля, «Три Святителя» дал два залпа по 54-пушечному фрегату «Каиди-Зефер», фрегату «Низамие» и батарее № 6. Через 15 минут после начала боя турецкое ядро перебило шпринг и корабль развернуло кормой к батарее. Здесь он подвергся продольному обстрелу и сильно пострадал. Чтобы развернуть корабль, мичман П.Н. Варницкий на баркасе в течение 15 минут под огнем завел новый верп (якорь), и «Три Святителя» повел нормальный огонь, заставив фрегат «Каиди-Зефер» выброситься на берег. Стоявшие за ними транспорт и шлюп затонули, брошенный командой фрегат в 14 часов взорвался. Для корабля «Три Святителя» бой закончился в 15 часов 30 минут. Потери: 8 убитых и 18 раненых.

84-пушечный корабль «Ростислав», под командованием капитана 1-го ранга А.Д. Кузнецова, замыкал левую колонну. Встав против батареи № 6 и 24-пушечного корвета «Фейзи-Меабуд», заставил корвет выброситься на берег. Вредившую кораблю «Три Святителя» батарею «Ростислав» подавил к 16 часам. Многие орудия корабля заряжались двумя ядрами, что привело к разрывам и большим потерям: 5 убитых, 105 раненых и обожженных, из которых половина от разрывов орудий. Попадание каленого ядра или гранаты с батареи едва не привело к взрыву корабля. Горящие куски занавеси попали в люки крюйт-камеры; назначенные туда люди бросились к дверям, но мичман Н.А. Колокольцев закрыл двери и организовал тушение пожара.

В разгар сражения, понимая, что поражение уже неизбежно, на прорыв из бухты двинулся турецкий пароход «Таиф» под командой английского капитана А. Слейда. Посланные на его перехват фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» не смогли его догнать. В данном случае капитану А. Слейду помогла паровая машина, против которой парус оказался бессильным.

В 13 часов 30 минут из-за мыса показалась еще одна русская эскадра, состоявшая из трех пароходов, под командованием вице-адмирала В.А. Корнилова. Впереди под флагом самого

В.А. Корнилова шел 6-пушечный пароход «Одесса» (командир капитан-лейтенант Ф.С. Керн). Следом спешили «Херсонес» (командир капитан-лейтенант К.К. Штофреген) и «Крым» под флагом контр-адмирала А.И. Панфилова. В.А. Корнилов отдал приказ «взять неприятеля в два огня» и направил свой пароход на турецкий пароход «Таиф» в надежде взять его на абортдаж. «Таиф» сначала сблизился с «Одессой», полагаясь на свое превосходство в артиллерии и скорости, и вступил с русским пароходом в перестрелку. Но в планы А. Слейда не входило задерживаться в районе Синопа, а турецкие артиллеристы стреляли посредством. Единственное попадание, которого они добились в 14.50, имело результатом ранение унтер-офицера и повреждение стойки штурвала. «Одесса» на время потеряла управление, чем воспользовался «Таиф», чтоб оторваться от преследования. Ядра с парохода «Крым» не долетали, а «Одесса» вела огонь, пока турецкий пароход не скрылся за пеленой дождя. Из Константинополя, куда он пришел, позже сообщали, что на «Таифе» погибло много людей. Действия капитана «Таифа» отвлекли от боя и фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», и эскадру из трех пароходов.

Это не спасло турецкую эскадру от полного разгрома. К 15 часам стрельба с турецких фрегатов прекратилась, к 16 часам были полностью подавлены береговые батареи и добиты не потерявшие плавучести суда. При осмотре турецких судов было взято 180 пленных, в том числе Осман-паша, раненый и ограбленный своими же матросами, которые сняли с него верхнюю одежду и отобрали ключ от каюты. Свой палаш турецкий вице-адмирал вручил П.С. Нахимову.

Таким образом, Синопское сражение закончилось полной победой русского флота. Турки потеряли 15 судов из 16 и около 3 тысяч убитыми и ранеными. В плен были взяты командующий турецкой эскадрой адмирал Осман-паша, три командира корабля и около 200 матросов. Русская эскадра не имела потерь в кораблях, но многие из них получили серьезные повреждения, особенно в рангоуте и парусах. Потери в личном составе составляли 37 убитыми и 233 ранеными. За время боя русская эскадра выпустила по противнику 18 тысяч снарядов.

Подводя итоги, Нахимов писал в приказе: «Истребление турецкого флота в Синопе эскадрой, состоящею под начальством моим, не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману, как главному моему помощнику, и который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо вел ее в бой. Господам командирам кораблей и фрегатов за хладнокровное и точное постановление своих судов по данной диспозиции во время сильного неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбростью продолжение самого дела, обращаюсь с признательностью к офицерам за неустрашимое и точное исполнение их своего долга, благодарю команды, которые дрались как львы».

Выдающаяся победа русского флота в Синопском сражении оказала большое влияние на последующий ход войны. Уничтожение неприятельской эскадры – основного ядра турецкого флота – сорвало подготовляющийся турками десант на кавказское побережье и лишило Турцию возможности вести боевые действия на Черном море.

Русский флот обеспечил себе победу при Синопе благодаря смелости и решительности тактического замысла сражения, искусному развертыванию сил и быстрому занятию кораблями назначенных огневых позиций, правильному выбору дистанции боя, с которой эффективно действовала артиллерия всех калибров. В этом сражении впервые широко использовалась бомбическая артиллерия, сыгравшая решающую роль в быстром уничтожении деревянных кораблей противника. Важнейшей причиной победы являлась грамотное управление эскадрой в бою выдающимся российским флотоводцем вице-адмиралом П.С. Нахимовым, высокая боевая подготовка личного состава русской эскадры, особенно командиров кораблей и комендоров, от которых непосредственно зависели искусство маневрирования и точность ведения артиллерийского огня. Во многом способствовала успеху русской эскадры и взаимная поддержка кораблей. Синопское сражение было последним крупным сражением парусных флотов, и в этом сражении по праву победили русские моряки.

Участникам Синопского сражения император Николай I прислал по четыре Георгиевских креста на десять матросов (всего 250 крестов) и всем участникам сражения определил «годовое жалованье не в зачет». По старой русской традиции вице-адмирал П.С. Нахимов приказал матросам самим избрать достойных для награждения матросскими Георгиевскими крестами. Однако их оказалось больше, чем крестов. Пришлось бросить жребий. На церемонии вручения Георгиев 20 декабря список достойных был оглашен полностью – с указанием тех, кто остался без наград за их недостатком. После этого П.С. Нахимов дал обед новым георгиевским кавалерам на своей квартире. К сожалению, история сохранила нам не много имен матросов – героев Синопа, а ведь их были тысячи! Данила Беликов, Дмитрий Семенов, Герасим Мельников, Иван Ильин, Михаил Гончаров, Никита Бондарцов, Егор Бажов вот лишь некоторые из длинного перечня тех, кто своим потом и кровью добыл синопскую победу.

За победу при Синопе Николай I удостоил вице-адмирала П.С. Нахимова ордена Святого Георгия 2-й степени, написав в именном рескрипте: «Истреблением турецкой эскадры вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятной в морской истории».

Драматург Нестор Кукольник, получив извести о победе Черноморского флота, в несколько ночей написал пьесу «Синоп», которую тут же начали ставить по всем театрам России. Пьеса имела потрясающий успех. В конце ее публика вставала с кресел и кричала «ура»! Балтийские моряки, смотря на сцене подвиги своих товарищей, плакали от волнения.

Синопской победе посвятили свои картины классики русской маринистики. А.П. Боголюбов написал две картины: «Синопская битва» и «Синопский бой 18 ноября 1853 года». И.К. Айвазовский в том же 1853 году также написал два больших полотна: «Синопский бой» и «Синоп. Ночь после боя 18 ноября 1853 года». Кроме этого, он написал еще картину «Возвращение в Севастополь эскадры Черноморского флота после Синопского боя». Любопытно, что картины Айвазовского, посвященные Синопу, выставлялись в осажденном Севастополе и ободряли его защитников. Художник-маринист А.В. Ганзен посвятил Синопскому сражению картину «Линейный корабль «Императрица Мария», известны картины художников Н.П. Медовикова «Императрица Мария», Р.К. Жуковского «Синопский бой в 1853 г.» и Н.П. Красовского «Возвращение в Севастополь эскадры Черноморского флота после Синопского боя».

В честь синопской победы в Санкт-Петербурге была названа Синопская набережная (левобережная набережная Невы от проспекта Обуховской Обороны до Смольного проспекта). Синопская улица существует и в Нахимовском районе Севастополя, на западном склоне Килен-балки, названная так уже после Великой Отечественной войны.

В 1889 году в состав Черноморского флота вступил броненосец «Синоп». С 1910 года «Синоп» являлся учебным кораблем. Броненосец участвовал в Первой мировой войне. Он нес брандвахтенную службу у Севастопольской бухты, использовался в качестве штабного корабля отряда судов на Дунае. Во время Гражданской войны корабль несколько раз переходил из рук в руки. В январе 1918 года «Синоп» принял участие в восстании против власти Украинской Рады и в установлении в Одессе советской власти. В январе 1918 года он вошел в состав красного Черноморского флота. С апреля 1918 года находился в Севастопольском военном порту на хранении, где в мае 1918 года был захвачен немецкими войсками, затем, в ноябре 1918 года, перешел к британским союзникам и передан ими белому флоту. В феврале 1919 года старый броненосец был разоружен, а в апреле 1919 года по приказу эвакуировавшихся из Крыма союзников взорван. После захвата в ноябре 1920 года Севастополя Красной армией «Синоп» в строй не вводился, в 1923 году «Синоп» был сдан для разделки на металл.

Как это ни странно, но главные памятники Синопскому сражению установлены в турецком Синопе. Основной памятник расположен у городского археологического музея. Он выполнен в виде пирамидального обелиска и окружен четырьмя пушками времен Крымской войны. Текст таблички повествует о сражении и об огромных потерях турок. Другой памятник пред-

ставлен в виде облицованного мрамором фонтана, созданного еще в 1858 году. Табличка у Синопского фонтана гласит, что он возведен на деньги, найденные в карманах погибших в Синопском сражении турок...

Самым же величественным литературным памятником синопской победе стал классический труд Е.В. Богдановича «Синоп», который вот уже более полутора столетий является источником вдохновения для многих поколений писателей-историков.

Капитан 1-го ранга, секретарь

Союза писателей России В. Шигин

Наварин 1827–1877

Его императорское высочество генерал-адмирал² благоволил напомнить России о предстоявшей полувековой годовщине Наваринского сражения. Эта славная для русского флота годовщина совпадает с новыми бессмертными подвигами русских против турок. Взрывы турецких броненосцев служат ей как бы приветственными салютами потомков наваринских героев...

Русская литература до сих пор не имеет полного исторического исследования о великом побоище, обессмертившем наше оружие. Нет такого исследования и в заграничной литературе. Едва ли могло оно и явиться в ней. Относительно Наварина у заграничной литературы недостает именно основного достоинства историка: ясного сознания и беспристрастной оценки фактов. Ее ослепляют зависть к России, ненависть к православию. Но не помрачить ей своими клеветами славных страниц нашего прошлого! Голос событий заглушает ложь. Рано или поздно истина всплывет наружу, как бы ни забрасывали ее грязью своекорыстные, узкорасчетливые недоброжелатели России.

По мере сил своих содействовать восстановлению исторической правды, сбросить с нее хотя бы часть искажающих ее напраслин – такова задача настоящего труда.

Приступая к работе, я не имел в виду писать «истории» наваринской эпохи. Хотя полстолетия протекло уже со дня разгрома, – едва ли и теперь наступила пора составлять подробное, всестороннее историческое исследование того времени. До сих пор много драгоценного материала, характеризующего сражение 8 октября 1827 года, лежит под спудом в архивах казенных и семейных; до сих пор еще живы многие современники разгрома; еще не вполне улеглись возбужденные страсти, и наваринская правда до сих пор еще многим колет глаза... Тем желательнее скорейшее обнародование документов, относящихся к названной эпохе и дающих почву для научных исследований будущего историка.

Именно этими соображениями и руководился я, решаясь представить публике настоящую книгу. Сын и сподвижник покойного героя Наварина, бывший лейтенант на фрегате «Константин» граф Л.Л. Гейден³ доверил мне драгоценные исторические документы, оставшиеся по смерти главного начальника русской эскадры под Наварином и до сих пор нигде не появлявшиеся в печати: управляющий Морским министерством, С.С. Лесовский, разрешил мне пользоваться архивом министерства для собирания фактов, относящихся к ныне чествуемому юбилею; в то же время мне доставили недавно вышедшую в Англии и напечатанную лишь для интимных кружков подробную биографию покойного адмирала Кодрингтона, бывшего начальника английской эскадры, и его переписку. Было бы излишне распространяться об исторической важности всех этих материалов; что же касается книги о Кодрингтоне и его переписки, то в них заключается много любопытного не только по Наваринскому делу, но и относительно дальнейших политических и военных событий. Адмирал был в дружеских сношениях со многими знаменитыми в то время историческими личностями, был осчастливлен письмами покойного императора Николая Павловича и представлением ныне благополучно царствующему государю. Оставшаяся после Кодрингтона переписка может быть названа живою, беспристрастною картиною многих совершившихся на глазах его знаменательных исторических собы-

² Имеется в виду великий князь Константин Николаевич (1827–1892). (Примеч. ред.)

³ Лейтенант на фрегате «Константин» граф Гейден (ныне адмирал) получил за участие в Наваринском сражении орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Старейший из оставшихся в живых наваринцев – бывший мичман на корабле «Азов», ныне адмирал и член Государственного совета, граф Е.В. Путятин, следующее за ним место принадлежит адмиралу графу Л.Л. Гейдену.

тий, и любитель старины, вероятно, найдет в «Приложениях» к этой книге материал, далеко не безынтересный.

В заключение позволю себе сказать два слова о том, чему я обязан счастливым случаем располагать столь ценными историческими материалами, как переписка покойного начальника русской эскадры. Нашим адмиральским кораблем во время битвы был, как известно, «Азов». Вследствие вынесенных им жестоких повреждений, вскоре было приказано списать его со списков флота, но, чтобы увековечить воспоминание о нем – на поучение потомству, был сооружен корабль «Память Азова», под Георгиевским флагом знаменитого адмиральского корабля. Службу мою я имел честь начать мичманом на корабле «Память Азова»; тогда же, находясь в составе Ревельской эскадры, я постоянно пользовался благосклонным вниманием графа Логина Петровича Гейдена, занимавшего пост главного командира Ревельского порта. В беседах с друзьями и сослуживцами высокочтимый адмирал с оживлением рассказывал не раз потрясающие подробности Наваинской битвы...

Е. Богданович

Москва

1 октября 1877 года

Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий

поступлено будет с неприятелем по-русски.

Слова императора Николая Павловича на корабле

«Азов» при прощании с русской эскадрой,

выходившею в море к Наварину

Не силою слепого рока, а устроением всемудрого Промысла проливается ныне русская кровь в долинах Дуная и Аракса. Не силою слепого рока, а устроением всемудрого Промысла проливалась и полвека назад русская кровь на водах Эллады. Россия призвана смыть со страниц истории позор Европы, допустившей на своей христианской почве порабощение христиан агарянской ордой. На расстоянии полвека от него, по следам незабвенного родителя, царь-Освободитель своего народа подвигается ныне на освобождение своих братьев по честному Кресту.

И вот настала достославная полувековая годовщина.

Наварин – таково грозное для османов имя, поминаемое 8 (20) октября сего года... Да помянут же его по достоинству новыми победами над нечестивыми борющимися ныне с ними наши балканские и кавказские богатыри!

Как и ныне, пятьдесят лет назад честь почина святого дела принадлежала России; на ее же долю выпала и тогда без малого и вся тягость его совершения. Как и ныне, полвека назад не благородное соревнование, а одна зависть побудила великие державы сначала выступить заодно с Россией на освобождение неповинных отверженцев христианской европейской семьи; как и ныне, полвека назад притворные союзники оказались потом предателями.

Но в русских сердцах звучит до сих пор царственное слово, в исходе минувшего года оповестившее Европе, что, за отказом в ее содействии, великую задачу исполнит и *одна* Россия.

Не изгладится из истории и царственное слово, заявленное русскому герою Наварина, графу Гейдену, что, если державы не примут предложенных Россией решительных мер, то

русский царь, хотя бы и *один*, уже «решился принять эти меры и прибегнуть для того к силе оружия»...

Грянул гром наваринский, и озадаченная, испуганная Европа отступилась от святого дела... Россия выступила одна. В угоду дипломатии – в первый год войны выставленных сил оказалось недостаточно, чтобы сломить упорство Порты. Заликовали и турки, и лицемерные друзья России.

Но минула тяжкая година, и Наварин стал первым шагом к Адрианополю...⁴

Не то ли же, или подобное, видим и теперь?.. Продолжительные дипломатические переговоры с лицемерными союзниками, громовой успех при почине борьбы, затем роковое мало-силлие, вызванное преобладанием дипломатических соображений над военными – такова, в общих чертах, на расстоянии полувека, картина обеих войн, вмененных в обязанность России упорством Турции раззадоренной поблажками Европы... Да распространится же милосердием Господним это сходство между обеими войнами и на окончание святого дела, предпринятого ныне царем-Освободителем!

На вечный позор Европы, вопреки пролитым с 1827 до 1829 года потокам крови, обе войны, на расстоянии полувека, вызваны одною и тою же причиною. Свирепое, бесчеловечное обращение магометанской орды с поработенными ею христианами, периодические припадки бешенства дикого зверя, немилосердно и безумно терзающего попавшиеся ему в когти неповинные жертвы – вот позорящие христианскую Европу факты, которые, со времен Великой Екатерины, вызывали взрывы негодования общественной совести единоверного с этими жертвами русского народа и, – после многолетнего, тяжкого терпения, – энергическое вмешательство составляющего с ним одно целое русского правительства. Надо отдать справедливость эллинам: кроме черногорцев, ни один из угнетаемых Турцией христианских народов не оказывал такой отчаянной настойчивости и отваги в борьбе с магометанской ордой. В сущности, события, вызвавшие в 1827 году наваринский погром, начались еще при Великой Екатерине. Уже тогда на повальные избиения христиан Россия отозвалась Оттоманской Порте чесменским, рымникским, измаильским и бесчисленными другими громовыми ударами. Притихая на время, пораженный, обессиленный зверь вскоре снова предавался свойственным ему припадкам неистовства и, терзая свои жертвы, как одни турки умеют терзать, жестоко вымещал на них свои позорные поражения. Тяжелее всех отзывались сначала эти припадки на несчастных греках. До последнего времени страдания сербов и болгар под турецким игом далеко не сравнивались с теми, какие выносили от турок греки при Ибрагим-паше и Али-паше Тепеленском. Развитый у греков влиянием преданий великого прошлого дух независимости и национальной гордости, классическая красота гречанок, несокрушимая преданность эллинского народа православной вере, свойственная ему неутомимая торговая деятельность и накапливаемые ею богатства – присвоили особенно грекам тяжелую привилегию мученичества в среде христиан, поработенных турками. Зато именно этой страшной привилегии греки и обязаны первенством в сознании той великой, до сих пор не понятной Западной Европе истины, что между магометанскою властью, не постигающей служащих основой европейской цивилизации и христианского общества понятий о святости христианской девы и супруги, о неприкосновенности христианской семьи, и подчиненным ей христианством немислимо никакое примирение, немислима даже никакая сделка; следовательно, что никакие человеческие права не могут иначе быть упрочены за христианами, как низвержением магометанского ига, расторжением всяких уз с магометанским правительством.

Естественным результатом сознания этой истины явилось, с конца прошлого столетия, образование тайных обществ, под предлогом научной и образовательной цели, в сущности же

⁴ Совр. г. Эдирне (Турция). Во время русско-турецких войн дважды занимался русскими войсками. В 1829 г. здесь был заключен Адрианопольский мир. (*Примеч. ред.*)

стремившихся к освобождению греков, а за ними и всего восточного христианства, от турецкого ига. Много было пролито греческой крови в этих злополучных попытках. И – замечательное дело – уже тогда в христианской Европе первым пособником турецкой свирепости выступила Австрия, еще недавно дрожавшая перед завоевательными стремлениями Османов и только благодаря могучей деснице России избавившаяся, при Екатерине, от своего вечного страха. Австрия выдала туркам на позорную казнь прибегнувшего под сень ее гостеприимства одного из первоначальников греческих тайных обществ, несчастного поэта-патриота Ригаса...

Последнее из этих обществ, «Этерия», хоть и было потоплено в крови своих членов, но явилось истинным основателем освобождения хотя бы части греческой народности. Благородная кровь не пролилась всуе. Пособницею Турции опять оказалась Австрия: она заключила в крепость Мункач⁵ начальника греческого восстания, князя Ипсиланти. Между тем беснования рассвирепевшего магометанства дошли до того, что в июне 1821 года русское правительство, внемля воплю своих единоверных братьев, – естественным ходатаем за которых в Петербурге был статс-секретарь министерства иностранных дел природный грек, граф Каподистрия, – обратилось к Порте с требованием немедленного прекращения зверских гонений над христианами Европейской Турции. Само собою разумеется, это платоническое заявление, как всегда, осталось мертвою буквой. Но дерзкое невнимание Порты к требованию не раз жестоко проучившего ее соседа не обошлось без последствий: Россия отозвала своего представителя в Константинополе, графа Строганова. Можно было ожидать, что за этим первым шагом со стороны петербургского кабинета последуют более энергические мероприятия. На беду для несчастных восточных христиан, как раз в это время собрался в Вероне съезд государей членов Священного союза. Устами князя Меттерниха на съезде высказалась опять исконная политика Австрии. Оклеветав геройское восстание греков, князь Меттерних потребовал подавления греческого восстания вооруженною силой. Правда, требование это было отвергнуто, тем не менее влияние Меттерниховой системы на целые три года затормозило честный почин России. Во все это время в Греции лилась ручьями неповинная, геройская кровь. Петербургский кабинет колебался между личным человеколюбием государя и провозглашенными на веронском конгрессе соображениями так называемой «общей политики». Не только свои сочувствия к единоверным братьям, но свое оскорбленное достоинство, свое историческое призвание, самые существенные интересы своей внешней политики Россия приносила в жертву дипломатической системе, в основании которой лежал немислимый у нас принцип взаимного враждования между верховною властью и народом!

Наконец в 1824 году человеколюбие и патриотизм императора Александра Павловича одержали верх над парализовавшими их иностранными влияниями «общей политики». Петербургский кабинет обратил внимание Европы на отчаянную борьбу горсти эллинов против могучего угнетателя. Но и тут влияние хромой дипломатии возобладало в Петербурге настолько, что придало предложению России характер пальятивной⁶, или точнее, переходной меры, так как, очевидно, предложение это имело в виду лишь первый шаг к постепенному освобождению эллинов. Из Греции предполагалось образовать три отдельных княжества по образцу Дунайских, то есть с сохранением вассальных отношений к Порте. За исключением Кандии⁷, острова Архипелага не входили в состав проектированной новой организации части эллинской народности. Эта несправедливость вполне вознаграждалась включением в состав «Греческих княжеств» Кандии и Эпира. По своему стратегическому положению Кандия – ключ не только Архипелага, но до некоторой степени и Дарданелльского пролива: с присоединением ее к Эллинским княжествам рано или поздно становилось неотвратимым сплочение с ними

⁵ Совр. г. Мукачево (Украина). (Примеч. ред.)

⁶ Т.е. временной. (Примеч. ред.)

⁷ Совр. Крит. (Примеч. ред.)

и большей части островов Архипелага. Сверх того, своим естественным богатством Кандия почти равнялась всем островам Архипелага вместе взятым.

Заявив свою программу, русское правительство предложило для обсуждения ее созвать в Петербурге дипломатическую конференцию. Изю всех великих держав одна Англия обусловила свое согласие на то возвращением в Константинополь отозванного в 1821 году представителя России. Одно это уже заранее определяло, каким образом лондонский кабинет полагал относиться к греко-турецкой расправе. Отзывание русского посланника из Константинополя имело значение фактического протеста против турецких зверств и против невнимания Порты к требованию России положить конец этим зверствам. Таким образом, возвращение русского посланника в Константинополь очевидно не имело бы иного значения, как то, что Россия отказывается от своего протеста. С первого шага греко-турецкого вопроса в области дипломатии Великобритания не обинуясь становилась на сторону Порты...

Как ни дорого для достоинства России продавала Англия одно лишь участие свое в петербургской конференции, русское правительство, в надежде, что эта жертва окупится благодатными для эллинов результатами, приняло без отговорок поставленное Англией условие. Действительно, если бы конференцией был утвержден принцип нераздельности между создаваемыми княжествами и Кандией с Эпиром, то впоследствии это признание имело бы значение непререкаемого фактического прецедента, предназначенного служить основанием дальнейшим обсуждениям каких бы то ни было греко-турецких препирательств. Конечно, Россия не предлагала еще признания полной независимости Греции. Мало того, в основание первых зачатков ее возрождения русская программа вносила тройственность власти. Но (в настоящее время в этом отношении нет более места ни для каких сомнений) оба эти ограничения со стороны России были не что иное, как уступка пресловутым венским соображениям «общей политики».

Нельзя сказать, чтобы в продолжение трех лет со времени отзыва русского посланника из Константинополя петербургский кабинет оставался равнодушным зрителем резни, происходившей в греческих областях Турции. Как видно из дипломатического сборника графа Прокеш-Остена⁸, во все это время происходили между петербургским и венским кабинетами деятельные переговоры. Результатом их оказалось изъясненное в 1824 году согласие Австрии на участие в петербургской конференции. Но этот результат обуславливался именно паллятивным характером предложения России. Со временем все это могло поправиться. Нет сомнения, Порты не приняла бы без принуждения, хотя бы и целой Европой, – которой взаимная зависть и соперничество с самого падения Византии постоянно входили в основание всех международных расчетов Турции, – заявленное ей требование касательно установления полунезависимости Греции. Ее отказ вызвал бы столкновение. С другой стороны, если бы даже Порты приняла эти требования, без сомнения она не оказала бы в Греции более уважения к своим обязательствам, чем оказала его в Дунайских княжествах, нещадно преданных турками огню и мечу по поводу замысла князя Ипсиланти, вопреки международному запрету занимать княжества войсками. Тут опять явился бы повод к столкновению. В обоих случаях виновницей его была бы Турция... Вопрос о независимости Греции оставался открытым. Между тем согласие держав на наделение новых княжеств необходимыми для них территориальными условиями жизненности – являлось бы совершившимся фактом, отмена которого была бы несовместна с достоинством держав, утвердивших его своею подписью. Что же касается вопроса о тройственности власти, то тут все предоставлялось патриотизму и бескорыстию самих эллинов. Как доказало впоследствии объединение Молдавии и Валахии, ни одна европейская держава никогда не решилась бы силою противиться такому слиянию, вызванному единодушным патриотическим согласием обоих населений.

⁸ Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche.

Итак, с первого появления греко-турецкого вопроса в области международного права как нельзя более рельефно обозначилось, что греки могут рассчитывать на поддержку *одной России*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.